

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Москва

20 февраля 1986 г. ◆

Евгений Кибрик:

Оставить лучшее людям!

Для всех, кто любит книгу, имя художника-иллюстратора Евгения Кибрика прочно соединено с такими высочайшими творениями писательского таланта, как «Кола Брюньон», «Тиль Уленшпигель», «Тарас Бульба», «Борис Годунов». Его влекли к себе герои, исполненные могучих страстей, жизнелюбия, гуманизма. Образы великих книг стали с ним неразлучны.

В эти дни Евгению Кибрику исполнилось бы семьдесят лет. Мы приводим отрывки из его воспоминаний и рассказов.

◆
Я рисую фигуру Тиля, поющего песню гезов. Позирует мне совсем юный Павлуша Кадочников... На столе табуретка, на ней валик от дивана, все это должно было изображать лафет пушки, на нем — Павлуша в ночной рубашке, пижамной куртке, плащ — полусброшенное с плеч одеяло. Он поет залихватскую песню из какого-то спектакля; постепенно, входя в раж, увлекаясь, он явно чувствует себя на корабле, на пушке... Хорошо, да не совсем — ноги не участвуют в песне. Наконец, Павлуша начинает отбивать такт песни не только рукой, но и ногой. Прекрасно! Я рисую лихорадочно быстро, стараясь ничего не пропустить из выразительных деталей... При этом я рисую не Павлушу с его вздернутым носом и в костюме, который я описал, а Тиль Уленшпигеля. Нос у него орлиный, и на нем та одежда, которая полагается Тилу. В этом трудность задачи — глядя на подходящую чем-то модель, рисовать ее не буквально, а нужный образ.

◆
...Найти модель для Тараса было первой и главной моей задачей. Всюду искал, всех спрашивал. Однажды я шел с заседания редсовета Детгиза с писателем Аркадием Первенцевым и ему тоже рассказал о своих поисках, а он и говорит:

— Есть у меня для вас настоящий Тарас Бульба...

— Кто он?

— Председатель правления общества «Рыболов-спортсмен», им же и организованного, Андрей Игнатьевич Рутковский.

Бегу в ГУМ, где помещался «Рыболов», и знакомлюсь с Андреем Игнатьевичем, огромным, добродушным украинцем шестидесяти двух лет от роду, в молодости цирковым борцом. Внешне Андрей Игнатьевич — почти готовый Тарас Бульба, только без усов и оселедца...

...Андрей Игнатьевич надевал широчайшие шаровары, кафтан, натягивал свои собственные сапоги — сапоги его размера можно было сделать только на заказ, — подпоясывался широким длиннейшим поясом, и мы начинали работать. Я делал с него быстрые, за несколько минут, наброски, но они были и для меня бесценны. Жесты такого мощного, тяжелого человека совсем другие, чем у более легких людей. Он и движется иначе, и проявление чувств у него иное. Например, Тарас сидит у моря, горюет об Остапе. Как он сядет, в чем выразится его состояние, в каком жесте? И когда наконец Андрей Иванович уперся могучим кулаком в упрямый лоб, я тут же его зарисовал...

◆
Честно ли стараться представить себя иным, чем ты есть на самом деле, кокетничая манерностью, надуманными ужимками, нарочитой грубостью или жеманностью? Нет, не честно и не художественно... Вот почему художник, я думаю, должен быть прежде всего честен по отношению к себе, к своему чувству, к своей песне, своей вере, изменишь себе — потеряешь все. Я верю в то, что, если художник придиричиво честен к себе, к своему искусству, к своему зрителю, тогда он создает лучшее, на что он способен. А это то, ради чего мы живем, — оставить лучшее, что в нас есть, людям.